

СОВЕТСКАЯ МУЗЕЙНАЯ ЭТНОГРАФИЯ НА VII МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАУК: РЕСТАВРАЦИЯ И КОНСЕРВАЦИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОГО НАСЛЕДИЯ ПОД “ВЗГЛЯДОМ” ЗАПАДА

С.С. Петряшин

Станислав Сергеевич Петряшин | <http://orcid.org/0000-0003-4410-7224> | s-petryashin@yandex.ru | к. и. н., научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия) | научный сотрудник отдела этнографии русского народа | ФГБУК “Российский этнографический музей” (ул. Инженерная 4/1, Санкт-Петербург, 191186, Россия)

Ключевые слова

история антропологии, антропологический конгресс, музейная этнография, реставрация, консервация, Государственный музей этнографии

Аннотация

Советская музейная этнография на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве (1964) в статье рассматривается как дискуссионное пространство, в котором этнографы и музейщики представляли и обсуждали разные взгляды на прошлое и настоящее своей дисциплины. Архивный материал исследуется при помощи концептов реставрации и консервации – риторических стратегий, предполагающих различные формы интерпретации дисциплинарного наследия и проекты действий. Проекты “возрождения” Музея народов СССР в Москве и издания “Материалов по этнографии” в Ленинграде отсылали по большей части к этнографии 1920-х годов, репрессированной и раскритикованной в процессе перехода к марксистской методологии в 1930-е годы. Стратегия реставрации подводила к признанию не проговариваемого в открытую отставания от западной антропологии и музейного дела. В качестве решения проблемы предлагалась реконструкция фрагментов прошлого. Стратегия консервации, наоборот, видела советскую музейную этнографию опережающей зарубежную. Наследие “марксизации” 1930-х годов, согласно этой риторике, выступало залогом побед в прошлом и настоящем, а его критика и неприятие лишали советскую этнографию ее преимуществ. Таковым позитивным наследием, в частности, признавались музейные практики исследования и репрезентации культуры и быта колхозников и рабочих, активное использование манекенов и обстановочных сцен для показа социальных отношений.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 22-18-00241]

Статья поступила 09.01.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 18.01.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Петряшин С.С. Советская музейная этнография на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук: реставрация и консервация дисциплинарного наследия под “взглядом” Запада // Этнографическое обозрение. 2024. № 2. С. 68–88. <https://doi.org/10.31857/S0869541524020048> EDN: CLFMXС

Petryashin, S.S. 2024. Sovetskaia muzeinaia etnografiia na VII Mezhdunarodnom kongresse antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk: restavratsiia i konservatsiia distsiplinarnogo naslediia pod “vzgliadom” Zapada [Soviet Museum Ethnography at the VII International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences: Restoration and Conservation of Disciplinary Heritage under the “Gaze” of the West]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 68–88. <https://doi.org/10.31857/S0869541524020048> EDN: CLFMXС

Для многих советских гуманитарных наук 1950–1960-е годы были временем серьезного переосмысления собственного прошлого. Великая Отечественная война подвела черту под развитием науки и культуры первых послереволюционных десятилетий и создала историческую дистанцию с недавним прошлым. Утрата привычного образа жизни, гибель множества исторических памятников способствовали росту общественного внимания к культурному наследию и возникновению музейного и туристического бума 1960–1980-х годов. Кампании по борьбе с “низкопоклонством перед Западом” и с космополитизмом поставили перед научными учреждениями задачу обоснования приоритета русских и советских ученых в самых разных областях исследований, что привело к росту интереса к истории науки. Наконец, в атмосфере оттепели этот интерес был поддержан поиском новых подходов и перспектив, подразумевавших ревизию идей и практик исследователей как имперского, так и советского периодов.

В первые послевоенные десятилетия был запущен целый ряд значимых проектов, например, многотомные серии очерков по истории русского востоковедения (1953–1963), этнографии, фольклористике и антропологии (1956–1988), музейному делу (1957–1971). Именно в этот период благодаря трудам С.П. Толстова, С.А. Токарева, Т.В. Станюкович и др. возникает история советской этнографии как область исследования (Токарев 1951; Толстов 1947; Станюкович 1964).

Наметившийся историографический поворот осложнялся одной из особенностей академического ландшафта оттепели – открытостью международным научным контактам. Дисциплинарное прошлое переосмыслялось не только исходя из перспективы текущего состояния, но и под влиянием “западного взгляда” (Голубев 2018; Алымов 2022). Важными проводниками этого “взгляда” стали международные конгрессы и конференции, проводимые в СССР: 25 Международный конгресс востоковедов в Москве в 1960 г., 4 Международная конференция ИКОМ по проблемам реставрации и консервации памятников изобразительного искусства и материальной культуры в Ленинграде в 1963 г. и др. В этом ряду особое место занимает VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук 1964 г. в Москве (далее – VII МКАЭН), музейному аспекту которого посвящена настоящая статья.

Конгресс состоялся 3–10 августа в Московском государственном университете на Воробьевых горах. Программа предусматривала работу 27 секций и 17 симпозиумов. За неделю было прочитано 812 докладов, из которых 307 представляли советскую науку (Алымов 2023: 109). Одна из секций (№ 27) была посвящена музееведению, на ней было сделано 23 доклада. Однако работа специалистов по музейной этнографии не ограничивалась присутствием на заседаниях секции. В качестве досуга зарубежной академической аудитории предлагалось посещение музеев, на которые возлагалась функция своеобразной “витрины” успехов советской власти. Согласно информационному письму, во время запланированных экскурсий делегаты конгресса могли познакомиться “с жизнью советского народа, его трудом и творчеством, с достижениями советской науки и культуры” (АРАН. Д. 7. Л. 39). В Москве участникам конгресса предлагалось посещение мавзолея Ленина, Третьяковской галереи, ВДНХ, выставки “Русское декоративно-прикладное искусство” в Государственном историческом музее, Музея Института антропологии Московского государственного университета, выставки работ Лаборатории пластической антропологической реконструкции

Института этнографии АН СССР (далее – ИЭ) и других музеев (АРАН. Д. 7. Л. 39–40). “Интуристом” были организованы туры для делегатов в Тбилиси, Ереван, Бухару, Самарканд, Киев, Ригу и некоторые другие города с посещением местных музеев (АРАН. Д. 7. Л. 15–15об).

Этнографические музеи и выставки должны были представлять одновременно достижения государственной национальной политики и советской этнографической науки. Особое место отводилось Ленинграду как “столице” советской музейной этнографии. Государственный музей этнографии народов СССР (далее – ГМЭ) и Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого АН СССР (далее – МАЭ) подстраивали ко времени работы VII МКАЭН открытие новых выставок, публикацию изданий, проведение мероприятий. Например, в ГМЭ незадолго до начала работы конгресса была открыта масштабная экспозиция “СССР – братский союз равноправных народов” (АРЭМ. Д. 1488. Л. 103об), а в МАЭ к окончанию работы конгресса были приурочены торжества по случаю 250-летнего юбилея музея (*Золотаревская* 1965: 156). Подготовка музейной составляющей конгресса также требовала ревизии накопленного советской музейной этнографией опыта, обобщения и осмысления ее истории, позиционирования относительно достижений прошлого и вызовов современности. Эти вопросы неоднократно поднимались как на многочисленных заседаниях и сессиях, предшествовавших конгрессу, так и в докладах, на нем прозвучавших.

Бурное развитие интереса к собственной истории в советской послевоенной этнографии остается пока что малоизученным феноменом. В историографии 1942–1965 гг. (период директорства в ИЭ С.П. Толстова) описывается преимущественно через призму крупных проектов и новых направлений исследований: подготовка и издание томов серии “Народы мира” и историко-этнографических атласов; изучение быта и культуры колхозников и рабочих, этногенеза и этнической истории, этнической статистики и картографии (*Шнирельман* 1993; *Слезкин* 2008; *Anderson, Arzyutov* 2016; *Rawski* 2017; *Alymov, Sokolovskiy* 2018; *Мартынова* 2022; *Алымов* 2023). Для оценки этого периода, несомненно, важны также новаторские исследования первобытности, концепция хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова (см., напр., статьи С.С. Алымова и А.В. Тугорского в настоящем тематическом блоке).

В своей статье я хочу показать на материалах музейно-этнографической части конгресса, что послевоенные десятилетия были также временем переосмысления истории советской этнографии и рефлексии этнографического сообщества относительно ее достижений и трагедий. Ключевыми источниками для данной работы послужили документы Оргкомитета VII МКАЭН из Архива Российской академии наук и материалы архива Российского этнографического музея (до 1992 г. – ГМЭ) – ведущего советского музея, специализировавшегося на народах СССР¹. Переосмыслению истории этнографии способствовали не только разнообразные юбилейные даты (250-летие МАЭ, 30-, 40-летие советской власти и др.), но и крупные международные научные мероприятия, которым и был московский конгресс 1964 г.

Музейная этнография в настоящей статье будет рассматриваться как дискуссионное пространство, в котором этнографы и музейщики представляли и обсуждали разные взгляды на прошлое и настоящее своей дисциплины. Для

анализа материала я предлагаю использовать различие *реставрации* и *консервации*. Под данными концептами я понимаю не одноименные рутинные музейные практики, но риторические стратегии – устойчивые комплексы аргументов и стоящих за ними ценностных установок, которые говорящий использует для убеждения адресата, организации и обоснования своих действий. В расширительном толковании реставрации и консервации я опираюсь на исследования Ю.Г. Боброва и И.И. Сандомирской, предлагающие видеть в этих явлениях специфические философию, дискурс и риторику (Бобров 2017; Сандомирская 2022). Так, для настоящей работы важно, что реставрация подразумевает критическое отношение к современному положению вещей и стремление восстановить, реконструировать фрагмент прошлого. Консервация, наоборот, предполагает преемственность с прошлым, уважение к произошедшим переменам и стремление зафиксировать статус-кво.

В 1960–е годы ключевым процессом в истории советской этнографии признавался переход к “марксистской методологии” на рубеже 1920–1930-х годов. Риторика реставрации определяла те инициативы в области музейной этнографии, которые фокусировались на возрождении некоторых реалий 1920-х годов, ставших жертвой “коренного перелома” в науке и не раскрывших свой потенциал. Риторика консервации подчеркивала плодотворность “марксизации” и непреходящую ценность ее достижений. Я постараюсь продемонстрировать, что обе риторические стратегии также предполагали разное отношение советских музейных специалистов к актуальным зарубежным наработкам в музейном деле: от комплементарных ссылок до игнорирования, от признания собственного отставания до ощущения своего превосходства.

Объектом изучения в настоящей работе будут не исследования по истории этнографии (в том числе музейной), но музейные проекты, практики и дискуссии по прикладным аспектам музейного дела, связанные с конгрессом 1964 г. и его подготовкой. В первой части статьи рассматриваются инициативы реставрационного характера: попытки возрождения Музея народов СССР и издания “Материалов по этнографии”. Во второй части исследуется стратегия консервации на примере музейных манекенов и обстановочных сцен, а также выставочной репрезентации советской современности.

Реставрация: Музей народов СССР

Подготовка такого масштабного мероприятия, как международный конгресс, началась за несколько лет до его начала, а именно в 1961 г. С.П. Толстов возглавил специально созданный Оргкомитет. На первом его заседании были озвучены планы по организации этнографической выставки и, в перспективе, воссозданию этнографического музея в Москве. С.И. Брук, заместитель директора ИЭ, оценивая состоятельность советской этнографии перед лицом иностранных гостей, высказал общее мнение собравшихся:

Приедет сюда несколько сот человек из разных стран мира и первым делом захотят посмотреть этнографический музей, и мы им ничего не сумеем здесь показать, что, конечно, очень печально, потому что ни один Конгресс из шести, которые были проведены, где бы они ни проводились, не проходил в таком городе, где не было бы этнографического музея. Успехи нашей

науки в значительной степени будут обесценены или, во всяком случае, показаны не должным образом из-за отсутствия такого музея (АРАН. Д. 13. Л. 13).

В качестве решения С.И. Брук предложил начать работу по созданию музея или, если эта инициатива не будет поддержана правительством, организовать выставку в Москве и “перетащить сюда два ленинградских музея” — т.е. воспользоваться их материалами. С ним соглашался С.П. Толстов: “Все должно быть в Москве. Это имеет большое морально-политическое значение” (Там же. Л. 14). Он не хотел, чтобы московский конгресс смотрелся хуже предыдущего (Париж, 1960), когда “выставки никакой специально не было, но Конгресс проходил в здании, в другом крыле которого находится музей народных традиций, т.е. национальной французской этнографии во дворце Шайо” (Там же. Л. 38). Запланированная большая выставка должна была представлять культуру народов СССР на материалах из собраний музеев всех союзных республик. С.П. Толстов предлагал развернуть ее в здании Манежа или, в идеале, в будущем здании восстановленного Музея народов СССР (Там же. Л. 39).

К первому заседанию Оргкомитета уже были предприняты определенные шаги по воссозданию музея. В частности, как отмечал С.П. Толстов, Отделение РАН вышло с предложением “в соответствующие инстанции, чтобы в комплексе построек, связанных с Всемирной выставкой 1967 г., создать Музей этнографии народов СССР” (АРАН. Д. 13. Л. 38). Планировалась и докладная записка в Министерство культуры “относительно необходимости возрождения этнографического музея в Москве” (Там же) — здесь обращает на себя внимание риторика “возрождения” — реставрации.

Напомню, что Центральный музей народоведения был основан в 1924 г. и сразу стал одной из ключевых институций московской этнографии. В нем работали С.П. Толстов, С.А. Токарев, М.Г. Левин, В.Ю. Крупянская, Б.А. Куфтин, В.Н. Белицер, Н.И. Лебедева, Е.М. Шиллинг, Т.А. Жданко и другие известные исследователи (Ипполитова 2001: 146). В 1931 г. музей был перепрофилирован, его основной функция стала демонстрация успехов национальной политики и социалистического строительства в союзных республиках, он стал называться Музеем народов СССР. Новый профиль отдалял музей от этнографии и ставил перед сотрудниками задачи скорее краеведческого характера. Резкая реорганизация учреждения, его выселение из здания Александринского (Нескучного) дворца (1934), а также репрессии в отношении многих сотрудников привели, по замечанию современника, «к почти полному “вымиранию” этнографов в Москве» в середине 1930-х годов (А.З. 1934: 119). В 1948 г. Музей народов СССР был упразднен по причине отсутствия подходящего помещения, а фонды переданы ГМЭ и другим музеям.

Идея “необходимости возрождения” Музея народов СССР показывает логику обнаружения лакуны перед воображаемым оценивающим взглядом Запада. Выявленные проблемы при этом решались не через создание чего-то принципиально нового, а через восстановление фрагмента прошлого. Залогом современности советской этнографии, адекватности “духу времени” оказывается реставрация московской музейной этнографии 1920–1930-х годов.

Отдельно заметим, что подлежащий восстановлению музей назывался членами Оргкомитета “Музеем народов СССР”, а не “Музеем народоведения”.

Представляется вероятным, что реставрация музея под этим наименованием подчеркивала правильность и необратимость его “марксизации” в начале 1930-х годов, несмотря на то что этот процесс в конечном счете привел к закрытию учреждения в 1940-е годы. При этом восстанавливаемый музей должен был иметь сугубо этнографический профиль, чему больше соответствовал Музей народо-ведения 1920-х годов. Таким образом, можно говорить, что внутри реставрационной инициативы просматривается и консервационный элемент: утверждение непреходящего значения периода “марксизации” этнографии как времени рождения новой, лояльной государству советской этнографии.

На заседании С.П. Толстов объявил, что Всемирная выставка 1967 г. в Москве отменена. Это означало, что идея создания музея и предваряющей его масштабной выставки по этнографии народов СССР теперь точно не будет поддержана государством. Для компенсации отсутствия в Москве этнографического музея, однако, все равно требовалась временная, пусть и более скромная, выставка. Она, по замыслу С.П. Толстова, должна была отражать “научную работу этнографических учреждений, а не этнографии Советского Союза в целом” (АРАН. Д. 14. Л. 11). На следующем заседании Оргкомитета в июне 1963 г. комиссия по организации выставки в составе М.М. Герасимова, Г.Г. Стратоновича и Б.В. Андрианова представила свой проект. Авторы предложили выстроить выставку на тематическом принципе, “под девизом единства” советской этнографии (АРАН. Д. 18. Л. 3). Приведем неполный перечень тем: кадры и учреждения; этногенез; этническая география; экспедиционная работа; этнографическое изучение истории бесписьменных народов; исследование пережитков, культуры и быта колхозников и рабочего класса (“современности”); изучение народов зарубежных стран; жизнь и деятельность Н.Н. Миклухо-Маклая (Там же. Л. 3–7). По предложению представительницы ГМЭ М.В. Сазоновой рассматривалась возможность включения в структуру выставки темы методики создания музейной экспозиции и популяризации этнографических коллекций (Там же. Л. 9). История советской этнографии должна была быть представлена с 1917 г. до современности. Региональные материалы, которые ожидалось от коллег из этнографических институций союзных республик, должны были найти отражение в каждом разделе. Общесоюзная перспектива, по замыслу авторов, могла особенно солидно выглядеть при показе “национальных” кадров и институций: “Это особенно интересно в тех областях нашей страны, которые когда-то были сами объектом исследования, а сейчас представляют собой субъектов, исследующих этногенез (в том числе и русских иногда)” (Там же. Л. 3). Такой показ, как утверждал Г.Г. Стратонович, представит советских ученых в лучшем свете перед их зарубежными гостями, настроенными дружелюбно, сочувственно или даже враждебно. На выставке планировалось экспонировать преимущественно плоскостные материалы — фотографии, карты, рисунки и т.п. на площади около 300 м² в стенах МГУ (Там же. Л. 9).

Таким образом, после неудачи в воссоздании Музея народов СССР было решено организовать выставку по истории и современным достижениям советской этнографии. Выставка должна была служить своеобразной коллективной дисциплинарной “автобиографией”, презентуемой одновременно западным коллегам, государственно-партийному руководству и самим себе. Задача показать себя с максимально выигрышной стороны не предусматривала обсуждения сложных и спорных страниц истории и, соответственно, исключала попытки

исправления ошибок прошлого при помощи реставрации. В итоге требуемых площадей и финансовых средств на создание выставки выделено не было. Оргкомитет конгресса в апреле 1964 г. попытался организовать другую, более традиционную по содержанию и материалу выставку “Современное прикладное искусство народов СССР”. Но и для этого проекта в Москве не нашлось подходящего помещения.

Реставрация: “Материалы по этнографии”

При подготовке конгресса много внимания уделялось изданию новых трудов. Как утверждал М.Г. Левин на первом заседании Оргкомитета, “по количеству выпущенных работ всегда судят об уровне науки в той или другой стране” (АРАН. Д. 12. Л. 24). Даже в обсуждаемом выше проекте выставки предполагался отдельный зал, в котором можно было бы познакомиться с новыми изданиями, присесть и почитать их (АРАН. Д. 18. Л. 13). В этом контексте Оргкомитет конгресса активно приветствовал планы восстановления издания “Материалы по этнографии России” в Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде.

Данные сборники статей были гордостью Этнографического отдела Русского музея (так до 1934 г. назывался ГМЭ). С 1910 по 1929 г. было опубликовано четыре тома в шести выпусках. Издание “Материалов” прекратилось в 1930-е годы после переориентации музея на политико- и культурно-просветительную работу, почти полного прекращения финансирования государством издательской деятельности музея и в связи с репрессиями наиболее опытных сотрудников (*Шангина 1991; Грусман, Дмитриев 2014*). Возрождение издания было решено приурочить к конгрессу как крупному событию, под которое легче добыть финансирование. В марте 1963 г. в докладной записке о мероприятиях Государственного музея этнографии народов СССР по подготовке к конгрессу было отмечено, что завершаются работы по возобновлению этого “прерванного на многие годы издания музея” (АРАН. Д. 108. Л. 112). За поддержкой администрация ГМЭ обратилась к С.П. Толстову, чтобы тот походатайствовал перед Министерством культуры РСФСР. При участии Института этнографии была подготовлена рецензия на “Материалы по этнографии”, которая позволяет понять концепцию и содержание издания. Рецензент — сотрудник ИЭ С.В. Иванов положительно оценил коллективный труд музейных этнографов и отметил своевременность публикации как с точки зрения поддержки конгресса, так и с позиций развития музейного дела:

В течение 35 лет, прошедших со времени прекращения Музеем публикации своих коллекций, хозяйство, культура и быт наших народов существенно изменились. За это время Музей приобрел много новых коллекций, открыл ряд новых отделов и экспозиций, отражающих эти изменения. Перед Музеем встали новые задачи, новые темы, разрабатываются новые приемы показа музейного материала. Но вся эта деятельность в течение ряда лет не получала освещения в печати, новые поступления не публиковались, некоторые дискуссионные вопросы не получали широкого освещения, периферийные музеи лишены были возможности в полной мере и своевременно использовать опыт крупнейшего центрального Музея страны (АРЭМ. Д. 1491. Л. 18–19).

Подготовленный к печати том состоял из 16 статей, посвященных разным народам и регионам СССР (АРЭМ. Д. 1491. Л. 15–19). Этнографию восточных славян рассматривали авторы пяти статей, этнографии народов Средней Азии и Сибири было отведено по три статьи, этнографии народов Кавказа – две, народов Поволжья и Молдавии – по одной. Открывался том статьей “Экспедиционно-собираТЕЛЬская работа Гос. Музея этнографии народов СССР и перспективы ее развития” (авторы Т.А. Крюкова, Е.Н. Студенецкая, М.В. Сазонова). Первый раздел из пяти статей был посвящен этнографии современности. Во втором разделе (семь статей) авторы рассматривали формы хозяйства, одежду и утварь народов СССР. В третьем разделе (три статьи) обсуждались вопросы религиозных пережитков.

Судьба издания была печальна. Министерство культуры РСФСР не смогло изыскать требуемые средства, поэтому обратилось в Министерство культуры СССР и в Президиум АН. Там также не получилось найти финансирование. Последняя надежда была связана с празднованием 50-летия советской власти в 1967 г., к которому музей хотел опубликовать уже два тома “Материалов по этнографии народов СССР” (АРЭМ. Д. 1485. Л. 30). В итоге возрождение издания состоялось только в 2002 г. в связи со столетним юбилеем музея (*Дубов, Шангина 2002*)².

Консервация: манекены и обстановочные сцены

Для иллюстрации стратегии консервации я обращусь к дискуссии об уместности манекенов и обстановочных сцен в этнографических экспозициях, развернувшейся при подготовке к конгрессу. В стенах ГМЭ в марте 1964 г. была устроена своего рода репетиция – научная сессия Оргкомитета VII МКАЭН и советского комитета Международного Совета музеев по обсуждению выдвинутых на секцию музееведения докладов. Их тематика должна была покрывать все основные сферы музейного дела: культурно-массовую, научно-просветительную, научно-исследовательскую, экспедиционно-собираТЕЛЬскую работу, методы реставрации. Ряд сообщений посвящался принципам устройства музеев под открытым небом и содержанию фондов региональных музеев. Организаторы секции стремились привлечь сотрудников центральных и республиканских институций. Их доклады раскрывали заявленную тему, как правило, на материалах только “своего” музея.

Сделать обобщающий доклад, посвященный приемам показа этнографических материалов в экспозициях советских музеев, пригласили известного музееведа и историка А.И. Михайловскую. А.И. Михайловская подвергла критике свойственное многим этнографическим музеям увлечение обстановочными сценами с антропологическими манекенами. Эта критика нашла отражение и в опубликованных трудах конгресса:

Показ одежды на манекенах с лицами, передающими антропологический тип народа, в настоящее время многие музеи уже не удовлетворяют из-за своей натуралистичности, особенно если эти фигуры не отделены стеклом витрины и посетитель может близко подойти к ним и видеть стеклянные глаза и мертвые руки. <...> Манекены с белой тканью вместо лиц неприятны в эстетическом отношении, особенно если фигуры показаны в дви-

жени. Гораздо совершеннее показ покроя одежды и техники ее шитья на считах, на плоских контурных фигурах или на манекенах без головы (*Михайловская* 1971: 574).

Обсуждение манекенов и обстановочных сцен представлялось А.И. Михайловской важной темой, которую нельзя обойти на международном научном мероприятии:

Это больной вопрос. Возможно, что это наш внутренний вопрос, о котором там можно было бы и не говорить, если бы мы не знали, что и там существует сильное течение против манекенов. Целый ряд музейев, в частности в Прибалтике, не настаивают на широком применении манекенов, как это имеется в центральных музеях (АРЭМ. Д. 1483. Л. 51).

Видя в докладах советской делегации “систему советского музееведения” в противостоянии “буржуазному музееведению”, А.И. Михайловская считала необходимым обезопасить позиции отечественных музейщиков за счет предвосхищения возможной критики по линии манекенов. Тем самым она неявным образом утверждала, что в этом вопросе музееведение зарубежного Запада и Прибалтики – “внутреннего” советского Запада – опережает столичное (московское и ленинградское) музееведение. Позиция А.И. Михайловской была поддержана ее коллегой А.Б. Закс: “...от увлечения обстановочными сценами надо отходить. Не есть ли это пережиток прошлого?” (Там же. Л. 26). А.Б. Закс подчеркивала, что отказ от натуралистичного манекена в пользу художественной лепки не решает проблему, так как в этом случае натуралистичная бытовая одежда входит в “неприятный конфликт” со скульптурой – произведением искусства, на которое она надевается.

Критика манекенов и обстановочных сцен как “пережитков прошлого” поднималась ранее и в обсуждениях экспозиций ГМЭ, и в печати. В частности, в статье 1962 г. искусствовед Г.Л. Чепелевская писала:

В 1930-х годах в экспозиции этнографических и исторических музейев были широко распространены так называемые “обстановочные сцены”, претендовавшие на воспроизведение действительной жизни. “Настоящий” дом населяли манекены в национальных костюмах; при помощи таких манекенов пытались передать самые сложные взаимоотношения людей, вплоть до классовых отношений. Сейчас такие способы экспозиции кажутся наивными; залы все больше освобождаются от манекенов, а вместо них даются хорошие фотоснимки быта народа (*Чепелевская* 1962: 113).

Увлечение обстановочными сценами и манекенами в советских музейях было ответом на усиление идеологического давления и жесткой “марксизации” этнографии рубежа 1920–1930-х годов. С этого времени обстановочные сцены и манекены стали одними из ключевых инструментов показа социальных – прежде всего классовых – отношений (*Петрашин* 2021a). Именно социально-исторический (марксистский) подход отделял советские этнографические музейи от западных. Заведующая отделом этнографии народов Средней Азии и Казахстана ГМЭ А.С. Морозова утверждала на заседании Оргкомитета VII МКАЭН: “Со-

ветские музеи и, в частности, Музей этнографии, являются передовыми музеями мира в том плане, что мы показываем народы комплексно, показываем их на основании нашей марксистской методологии” (АРАН. Д. 12. Л. 63).

Завуалированные отсылки критиков манекенов и обстановочных сцен к зарубежному опыту были вполне обоснованы. Так, отечественным музеоведам должна была быть известна книга “Организация музеев: практические советы”, изданная ЮНЕСКО в 1960 г. на английском и французском языках. Автор главы про выставочную деятельность Ф. Адамс отмечал, что сильно стилизованные манекены отвлекают внимание посетителей от надетых на них вещей, в то время как натуралистичные манекены создают впечатление паноптикума. В качестве одного из возможных простых решений предлагалось использовать вырезанные из фанеры условные человеческие фигуры, к которым можно крепить элементы костюма (*Adams 1960: 142*).

Атака на манекены и обстановочные сцены была жестко встречена сотрудниками этнографических музеев. Г.В. Станюкович (представитель МАЭ) не согласилась с тем, что антропологические манекены в советских музеях вызывают отвращение своим натурализмом: “Одним из достижений не только советских музеев, но и за границей признано то, что в своих манекенах нам удалось достичь правды в антропологии. Над этим работают не только антропологи, но и скульпторы, так что эти манекены сделаны профессионально очень хорошо. Это не стеклянные глаза и не паноптикумы” (АРЭМ. Д. 1483. Л. 27). Е.Н. Студенецкая (представитель ГМЭ) также считала, что “манекены закономерны и вполне допустимы в этнографических музеях” (Там же. Л. 32). Она отмечала, что затруднительно продемонстрировать головной убор и шейные украшения на безголовом манекене (Там же. Л. 32–33). В поддержку манекенов выступила и Г.С. Маслова (в прошлом сотрудница московского Музея народов СССР): “Мне представляется, что это Ваша личная точка зрения, что манекены не нужны, мешают и т.д. В Москве были когда-то натуралистические манекены. В Ленинграде в музее этнографии в те времена был другой принцип. Мне всегда казалось, что правилен второй принцип: условные манекены” (Там же. Л. 12). Соответственно, обстановочные сцены и манекены, по мнению Г.С. Масловой, оставались актуальными и в современной музейной практике.

Вместо манекенов А.И. Михайловская предлагала показывать костюмы в витринах с контурными фигурами или на макетах-подставках без головы. Способы ношения одежды, антропологический тип населения и производственные процессы, по ее мнению, лучше демонстрировали диафильмы и кинофильмы с добавлением рисунка, фотографии, скульптурного изображения, звукозаписи (Там же. Л. 6–7). Наиболее передовой формой А.И. Михайловской представлялся “живой показ”: “На отдельных выставках мы имеем примеры очень удачного включения такого показа, показа кружевницы, гончара, резчика по дереву и т.д. В музее в определенные дни можно вводить демонстрационные показы, как это делается и в других типах музеев, также возможно и в этнографическом” (Там же. Л. 8).

Предложенные альтернативы не могли убедить музейных этнографов. В частности, Е.Н. Студенецкая настаивала на том, что фотографии и кинофильмы не способны заменить манекены и обстановочные сцены при показе производственных процессов и социальных отношений (Там же. Л. 32–33). Идея “живых показов” на тот момент не вызывала возражений, так как в ГМЭ они уже

проводились с конца 1963 г. В частности, музей устраивал демонстрации костюмов в собственных залах самостоятельно или совместно с ленинградским Домом моделей: “Вслед за созданной новой моделью показывался подлинный костюм из фондов Музея, покроем которого или фактура материала, или какая-либо составная часть послужили образцом для создания модели” (АРЭМ. Д. 1491. Л. 38). Сотрудники ГМЭ, изучавшие и собиравшие эти предметы в экспедициях, “в дни демонстраций становятся манекенщицами, так как нужно умело показать не только как надевалась, но и как носилась одежда” (Там же).

Такого рода показы, впрочем, критиковались внутри музея. На совещании при директоре ГМЭ в мае 1964 г. некоторые сотрудники высказались против демонстраций костюмов, особенно вне стен учреждения. Логика аргументации исходила из необходимости сохранения, консервации музейных предметов: “Переодевание происходит так, что манекенщицы потеют. Костюмы подшивают, зашивают на себя. Все это отрицательно сказывается на экспонатах”; “(костюмы. — С.П.) [з]апотели, выпачканы губной помадой, зацеплены ногтями, шелковые платки уже не свежие, надо стирать” (АРЭМ. Д. 1485. Л. 37). Очевидно, что “живой показ” национальных костюмов даже внутри музея было невозможно проводить для каждой экскурсионной группы и, соответственно, он мог служить только дополнением к манекенам, но не альтернативой им. Тем не менее демонстрации одежды пользовались популярностью: за четыре месяца (конец 1963 — начало 1964 г.) в залах ГМЭ было проведено семь показов, на которых присутствовало 12 тыс. человек. Неудивительно, что среди сотрудников музея созрела идея устроить очередную демонстрацию национальных костюмов для встречи участников VII МКАЭН в стенах ГМЭ (Там же. Л. 11). Эта идея, впрочем, не была реализована.

В вопросе манекенов и обстановочных сцен музееведы аргументировали свою позицию ссылкой на зарубежный музейный опыт и критиковали увлечение ими как следование устаревшим практикам 1930-х годов. Несмотря на отсутствие у А.И. Михайловской и ее единомышленников призывов к возврату к музейным техникам 1920-х годов, их риторика оказывается близка к реставрационной. Музейные этнографы, защищаясь от критики музееведов, апеллировали больше к своему практическому опыту. Обильное использование манекенов и обстановочных сцен, характерное для выставок ГМЭ и МАЭ 1930-х годов, воспринимались сотрудниками музея как актуальное наследие прошлого, достойное консервации и воспроизведения в 1960-е годы. Этнографы, несомненно, с удовлетворением отмечали в своем отчете о приеме делегатов VII МКАЭН в ГМЭ, что зарубежные коллеги признали “высокое качество манекенов” (Там же. Л. 99).

Консервация: этнография современности

Одной из самых важных тем в подготовке конгресса была современность. С.П. Толстов предполагал, что во время международного форума именно в этой области советским этнографам “нужно будет выдержать самый серьезный бой”, так как вопросы современности “сейчас довольно сильно интересуют и зарубежных ученых, в частности этнографов США” (АРАН. Д. 12. Л. 35).

Соответственно и в музееведческой секции тема современности должна была стать одной из ведущих. Советские этнографические музеи, и в частности

ГМЭ, готовились продемонстрировать всему миру, по словам А.С. Морозовой, “как должен показываться этот материал” (Там же. Л. 63). Если, как видно из реплики С.П. Толстова, в области сугубо академической этнографии современности советские ученые не чувствовали за собой значительного превосходства перед иностранцами, то в музейной сфере царило ощущение своего передового положения. Руководитель МАЭ Л.П. Потапов заявлял, что “мы в отношении музейной экспозиции стоим на очень высоком уровне. Мы все время экспериментируем, движемся вперед” (АРАН. Д. 13. Л. 7). У советских музейных этнографов были основания для такой уверенности. А.И. Михайловская отмечала в своем докладе на конгрессе:

Социальный подход к трактовке этнографических материалов, историзм в построении этнографических экспозиций, внимание к изучению современности и особенно к социалистической реконструкции быта и проведению партией национальной политики – характерны для экспозиций в передовых советских этнографических музеях уже с 20–30-х годов XX в. Эти новые черты отличали экспозиции советских музеев от экспозиций этнографических музеев буржуазных стран (Михайловская 1971: 572–573).

Действительно, в западных этнографических и антропологических музеях задача изучения и показа современности не ставилась. Только в 1950–1960-х годах некоторые музеи стали подходить к репрезентации современности через включение в свои экспозиции тем “культурных изменений” и “аккультураций” (Collier, Tschopik 1954; Parsons, Borhegyi 1962). Основная же масса выставок, организуемых западными этнографическими музеями 1930–1970-х годов, демонстрировала вневременные ареальные модели культур или развитие человеческой культуры в духе антропологического эволюционизма (Shelton 2006: 71–74).

В этом контексте интересен опыт музеев стран социалистического лагеря, которые в послевоенные годы должны были в ускоренном режиме изживать свою “буржуазность” и показывать успехи социалистических преобразований. Рядом с коллегами из новых социалистических стран советские этнографы и музейщики чувствовали себя особенно уверенно. Так, реплика Л.П. Потапова в дискуссии по докладу директора Народного этнографического музея (София, Болгария) Б. Божикова имела патерналистский характер:

Коллеги из Болгарии, в настоящее время, переживают трудности, хорошо знакомые советским музейным работникам на ранней стадии развития советского музееведения. <...> Из опыта советского музееведения советую не увлекаться показом современной сельскохозяйственной техники. В советских этнографических музеях показ современности производится преимущественно сквозь призму культуры и быта (АРАН. Д. 377. Л. 1).

Л.П. Потапов, вероятно, отсылал к опыту начала 1930-х годов, когда дезориентированные навязанной государством “марксизацией” этнографические музеи создавали экспозиции краеведческого характера. Для разделов выставок по социалистическому строительству собирались производственные коллекции: инструменты, машины, образцы материалов и продукции, фотографии фабрик и заводов и пр. С середины 1930-х годов от такого рода практик этнографиче-

ские музеи стали отходить. Л.П. Потапов, таким образом, видел в подходе болгарских коллег к показу современности прошлое – “раннюю стадию развития” советского музееведения.

Тот факт, что советские музейные этнографы занялись показом современности уже в 1930-е годы, не означает, что принципы ее показа в 1960-е годы были тождественны довоенным. Разница между ними становилась предметом рефлексии. Так, история методов экспонирования современности в ГМЭ была представлена на конгрессе в докладе Б.З. Гамбурга, А.С. Морозовой и Е.Н. Студенецкой (см.: Рис. 1).

В 1930-е годы в музее создавалось большое количество монографических экспозиций, посвященных отдельным народам или регионам. При этом применялся “метод сопоставления целых исторических периодов. Он позволяет последовательно и глубоко проследить процесс этих изменений, вскрыть их причины” (*Гамбург и др.* 1971: 564). Выставки, сделанные в русле этого подхода, делились на два раздела: дореволюционный и советский. В первом через призму классового анализа представлялись традиционные этнографические сюжеты (хозяйство, жилище, одежда, обрядность и пр.). Во втором (на контрасте с первым) выставлялись материалы о достижениях социалистического строительства и разрешении советской властью социальных проблем, унаследованных от царизма. Авторы отмечали, что такой метод использовался в ГМЭ до 1957 г., а в краеведческих или республиканских этнографических музеях остается актуальным до сих пор (Там же).

Вместе с тем сложившееся положение дел не удовлетворяло сотрудников музея, и в конце 1940-х годов они решились на эксперимент. Было предложено перейти к прямому сопоставлению “традиционного и современного при демон-

Рис. 1. Участники VII МКАЭН. Во втором ряду пятая справа – Т.А. Крюкова, седьмой – П.И. Каралькин, далее сидят А.С. Морозова, Е.Н. Студенецкая, М.В. Сазонова. В третьем ряду десятый справа – Б.З. Гамбург. 1964 г. Фототека РЭМ

страции каждого отдельного явления или тех или иных черт быта и культуры народа (принцип: так было – так стало). При таком методе новый и старый материалы на экспозиции располагаются рядом в каждой отдельной теме” (Там же). Выставки “Народное искусство и национальная одежда славянских народов” (1948) и “Осетины” (1950) остались единственными примерами экспозиций, построенных в этом ключе. Б.З. Гамбург, А.С. Морозова и Е.Н. Студенецкая констатировали, что этот метод оказался применим только к тематическим временным выставкам и плохо подходил для постоянных экспозиций по народам.

Наконец, к VII МКАЭН ГМЭ подошел с новым методом экспонирования, разработанным в середине 1950-х годов. Метод, согласно его авторам, предполагал создание таких тематических экспозиций, как “Современное народное искусство” (1958–1960), “Современное народное жилище”, “Современная национальная одежда”³. Их задачей было на основании анализа материалов по отдельным народам

вскрыть общие закономерности в развитии современной национальной культуры народов СССР, выявить пути сближения и предпосылки к созданию единой, более высокой культуры. При этом методе возможно также на ярких примерах продемонстрировать отмирание отрицательных и укрепление и развитие положительных традиций в советский период (*Гамбург и др.* 1971: 564).

Особую задачу выполняла экспозиция “СССР – братский союз равноправных народов”, открытая в музее к VII МКАЭН. Она служила своеобразным “введением или заключением в рассказе о сложном историческом процессе, который проходят народы нашей страны” (Там же. 565). Так, все экскурсии по этнографии того или иного народа начинались на региональных экспозициях, где демонстрировалась жизнь его представителей в дореволюционную эпоху, и заканчивались показом современных достижений народа на материалах экспозиции “СССР – братский союз равноправных народов” (АРЭМ. Д. 1488. Л. 32). Данная экспозиция была устроена в Мраморном зале ГМЭ площадью более 1000 м². В центре была размещена огромная карта промышленности СССР. По галерее на всю высоту стен располагались плоскостные материалы – тексты, фотографии, фотомонтажи, диаграммы, панно и др. (см.: Рис. 2).

Тематико-экспозиционный план выставки предполагал раскрытие следующих тем: политическая общность; планирование и электрификация; автоматизация и люди; транспорт; сельское хозяйство; “они живут по моральному кодексу”; просвещение; здравоохранение; рост благосостояния трудящихся; культурная общность; международное значение ленинской национальной политики (АРЭМ. Д. 1460). Данная выставка в своем стремлении охватить все сферы жизни советского общества во многом походила на экспозиции музея первой половины 1930-х годов с их краеведческим уклоном (см. подробнее: *Петряшин* 2021б: 160, 167). По словам Т.А. Крюковой и Е.Н. Студенецкой, “содержание показа в Мраморном зале, намеченного проектом, несомненно, шире понятия этнографии” (*Крюкова, Студенецкая* 1971: 72). Авторы экспозиции “СССР – братский союз равноправных народов” также ощущали эту проблему и стремились к сохранению этнографической музейной специфики и связи с экспозициями про прошлое, что достигалось “помимо использования сугубо этнографических ма-

Рис. 2. Часть экспозиции “СССР – братский союз равноправных народов” в галерее Мраморного зала. 1964 г. Фототека РЭМ

териалов, путем сочетания общих данных с конкретными примерами по отдельным народам” (*Гамбург и др.* 1971: 565). Отсылкой к экспозиционным практикам 1930–1950-х годов являлась не только широкая тематика, выходящая за рамки этнографического профиля, но и использовавшийся при создании выставки метод прямого противопоставления прошлого и настоящего в отдельных темах.

Показ современности на экспозиции “СССР – братский союз равноправных народов”, таким образом, удерживал в себе, пусть и в трансформированном виде, те подходы 1930–1950-х годов, от которых сотрудники ГМЭ хотели отказаться, предлагая новые обобщенные тематические выставки по современному искусству, одежде и жилищу. Репрезентация современности в музейной этнографии была консервационной не только в риторике, но и на практике.

* * *

Настоящая работа показала, что 1950–1960-е годы в советской этнографии были временем не только инноваций, но и переосмысления своего прошлого. Большое влияние на эти процессы оказал диалог – реальный и воображаемый – с иностранными коллегами, в частности на VII МКАЭН.

Обсуждаемые при подготовке конгресса проекты реставрации Музея народов СССР и “Материалов по этнографии” отсылали по большей части к этнографии 1920-х годов, репрессированной и грубо “марксизированной” в 1930-е годы. В проектах восстановления этих институтов можно увидеть имплицитную

критику их инициаторами современной им этнографии 1950–1960-х годов. Реставрация музея и возобновление издания также обосновывались необходимостью представить советскую этнографию в наилучшем свете на VII МКАЭН и “не ударить в грязь лицом” перед зарубежными гостями. Иными словами, стратегия реставрации предполагала не проговариваемое в открытую отставание от западной антропологии и предлагала в качестве решения проблемы возрождение фрагментов прошлого советской этнографии, преимущественно 1920-х годов. Отставание от западной науки и музейного дела в этом ракурсе оказывалось следствием непродуманных решений в прошлом.

Риторика консервации, наоборот, видела советскую музейную этнографию опережающей зарубежную. Наследие “марксизации” 1930-х годов в рамках этой стратегии выступало залогом побед в прошлом и настоящем, поэтому его критика и неприятие как будто лишали советскую этнографию ее преимуществ. Позитивным наследием, в частности, признавались исследование и репрезентация в музеях советской современности, активное использование манекенов и обстановочных сцен для показа социальных отношений.

Получается достаточно парадоксальная на первый взгляд структура, когда реставрация – это про “догнать”, а консервация – про “перегнать” Запад. Одновременно обе риторические стратегии представляются инструментами осмысления травматической истории советской этнографии 1930-х годов. С их помощью этнографы стремились дать взвешенную оценку событиям того времени, преодолеть негативные последствия и сохранить позитивные моменты. В этом видится аналитическая ценность выбранного инструментария: концепты реставрации и консервации, понятые как риторические стратегии, помогают раскрыть сложность и противоречивость дисциплинарной рефлексии относительно своего прошлого. Их применение за пределами истории музейной этнографии представляется не менее продуктивным.

Примечания

¹ Основные архивные источники: стенограммы заседаний Оргкомитета VII МКАЭН, переписка Оргкомитета конгресса с разными учреждениями, стенографический отчет научной сессии в ГМЭ с обсуждением докладов, выдвинутых на секцию музееведения конгресса, протоколы совещаний при директоре ГМЭ, годовые отчеты ГМЭ, переписка дирекции ГМЭ с Министерством культуры РСФСР и другими учреждениями, тематико-экспозиционный план выставки “СССР – братский союз равноправных народов”.

² За 2002–2013 гг. Российским этнографическим музеем было выпущено пять томов “Материалов по этнографии”.

³ В итоге планируемые экспозиции про жилище и одежду были объединены в одну. Выставка “Новое и традиционное в современном народном жилище и одежде” была открыта в 1969 г.

Источники и материалы

РАН – Архив Российской академии наук. Ф. 1826. Оп. 1.

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея. Ф. 2. Оп. 1.

Научная литература

А.З. Этнография в Москве // Советская этнография. 1934. № 4. С. 118–119.

Альмов С. Советская этнография под “западным взглядом”: микроистория сим-

позиума “Учение Л.Г. Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этнографии” на VII МКАЭН в Москве в 1964 г. // За синей птицей (антропология академической жизни). Памяти Г.А. Комаровой / Под ред. Э.-Б. Гучиновой, В.А. Шнирельмана. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 98–119.

- Альмов С.С.* VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук в Москве (1964) и трансформация советской этнографии в эпоху оттепели // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1. С. 96–127.
- Бобров Ю.Г.* Философия современной консервации-реставрации. Иллюзии или реальность. М.: Художественная школа, 2017.
- Гамбург Б.З., Морозова А.С., Студенецкая Е.Н.* Проблемы соотношения традиционной культуры и современности в экспозиции Государственного музея этнографии народов СССР // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (Москва, 3–10 августа 1964 г.). Т. 11. М.: Наука, 1971. С. 561–565.
- Голубев А.В.* Западный наблюдатель и западный взгляд в аффективном менеджменте советской субъективности // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985) / Под ред. А. Пинского. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. С. 219–253.
- Грусман В.М., Дмитриев В.А.* Из истории Российского этнографического музея: к 80-летию обретения самостоятельности // Музей, традиция, этничность. 2014. № 1. С. 6–24.
- Дубов И.В., Шангина И.И.* (ред.) Материалы по этнографии. Т. 1, Этнография русских. СПб.: ЭГО, 2002.
- Золотаревская И.А.* Работа Института этнографии АН СССР в 1964 году // Советская этнография. 1965. № 3. С. 155–162.
- Ипполитова А.Б.* История Музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 144–160.
- Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н.* Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. 7 / Ред. А.Б. Закс. М.: Советская Россия, 1971. С. 9–120.
- Мартынова М.Ю.* (отв. ред.) Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики. М.: ИЭА РАН, 2022.
- Михайловская А.И.* Приемы экспозиции этнографических материалов // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (Москва, 3–10 августа 1964 г.). Т. 11. М.: Наука, 1971. С. 569–575.
- Петряшин С.* Обстановочные сцены в советском этнографическом музее 1930-х годов: идеология, наука и зрелище // Новое литературное обозрение. 2021а. № 1. С. 151–164.
- Петряшин С.С.* Рабочие в советской музейной этнографии 1950-х годов: классовый анализ и политика времени // Этнографическое обозрение. 2021б. № 4. С. 156–174.
- Сандомирская И.* Past discontinuous: фрагменты реставрации. М.: НЛО, 2022.
- Слезкин Ю.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: НЛО, 2008.
- Станюкович Т.В.* Музей антропологии и этнографии за 250 лет // 250 лет Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Сборник Музея антропологии и этнографии XXII. Л.: Наука, 1964. С. 5–150.
- Токарев С.А.* Основные этапы развития русской дореволюционной и советской

- этнографии // Советская этнография. 1951. № 2. С. 160–178.
- Толстов С.П.* Советская школа в этнографии // Советская этнография. 1947. № 4. С. 8–28.
- Чепелевецкая Г.Л.* О некоторых новых приемах экспозиции произведений прикладного искусства (из опыта московских выставок) // Советская этнография. 1962. № 2. С. 110–114.
- Шангина И.И.* Этнографические музеи Москвы и Ленинграда на рубеже 20–30-х гг. XX в. // Советская этнография. 1991. № 2. С. 71–81.
- Шницерльман В.А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 52–68.
- Adams P.R.* The Exhibition // The Organization of Museums: Practical Advice. Paris: UNESCO, 1960. P. 126–145.
- Alymov S., Sokolovskiy S.* Russia, Anthropology in // The International Encyclopedia of Anthropology. 12 vols. / Ed. H. Callan. N.Y.: Wiley-Blackwell Publishing, 2018. Vol. 10. P. 5306–5322.
- Anderson D.G., Arzyutov D.V.* The Construction of Soviet Ethnography and “The Peoples of Siberia” // History and Anthropology. 2016. Vol. 27. No. 2. P. 183–209.
- Collier D., Tschopik H.* The Role of Museums in American Anthropology // American Anthropologist. 1954. Vol. 56. P. 768–779.
- Parsons L.A., Borhegyi S.F.* The Milwaukee Public Museum: Display of Collections // Museum International. 1962. Vol. 17. No. 1. P. 18–32.
- Rawski K.* A Soviet Think Tank: The Involvement of the Institute of Ethnography in Soviet Policy // Region. 2017. Vol. 6. No. 1. P. 109–132.
- Shelton A.A.* Museums and Anthropologies // A Companion to Museum Studies / Ed. S. Macdonald. Oxford: Blackwell Pub., 2006. P. 71–74.

Research Article

Petriashin, S.S. Soviet Museum Ethnography at the VII International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences: Restoration and Conservation of Disciplinary Heritage under the “Gaze” of the West [Sovetskaiia muzeinaia etnografiia na VII Mezhdunarodnom kongresse antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk: restavratsiia i konservatsiia distsiplinarnogo naslediiia pod “vzgliadom” Zapada]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 2, pp. 68–88. <https://doi.org/10.31857/S0869541524020048>
EDN: CLFMXC ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Stanislav Petriashin | <http://orcid.org/0000-0003-4410-7224> | s-petryashin@yandex.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia) | Russian Museum of Ethnography (4/1 Inzhenernaia Str., Sankt-Peterburg, 191186, Russia)

Keywords

history of anthropology, anthropological congress, museum ethnography, restoration, conservation, State Museum of Ethnography

Abstract

Soviet museum ethnography at the VII International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences in Moscow (1964) is considered in the article as a discussion space within which ethnographers and museum workers presented and debated different views on the past and present of their discipline. Archival materials are explored through the concepts of restoration and conservation – rhetorical strategies that involve different forms of interpretation of disciplinary heritage and projects for action.

Projects for the “revival” of the Museum of the Peoples of the USSR in Moscow and “Materials on Ethnography’s” edition in Leningrad mostly referred to the ethnography of the 1920s, which was suppressed and criticized during the transition to Marxist methodology in the 1930s. The restoration strategy led to the recognition of the unspoken lag behind Western anthropology and museum affairs. The reconstruction of fragments of the past was proposed as a solution to the problem. The conservation strategy, on the contrary, saw Soviet museum ethnography as ahead of foreign ones. The legacy of the “marxization” of the 1930s, according to this rhetoric, was the key to victories in the past and present, and its criticism and rejection deprived Soviet ethnography of its advantages. Museum practices of research and representation of the culture and life of collective farmers and workers, and the active use of mannequins and life-size dioramas to show social relations were recognized as such a positive legacy.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 22-18-00241]

References

- A.Z. 1934. Etnografiia v Moskve [Ethnography in Moscow]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 118–119.
- Adams, P.R. 1960. The Exhibition. In *The Organization of Museums: Practical Advice*, 126–145. Paris: UNESCO.
- Alymov, S. 2022. Sovetskaia etnografiia pod “zapadnym vzgliadom”: mikroistoriia simpoziuma “Uchenie L.G. Morgana o periodizatsii pervobytnogo obshchestva v svete sovremennoi etnografii” na VII MKAEN v Moskve v 1964 g. [Soviet Ethnography under the “Western Gaze”: Microhistory of the Symposium “Teachings of L.G. Morgan on the Periodization of Primitive Society in the Light of Modern Ethnography” at the VII ICAES in Moscow in 1964]. In *Za sinei ptitsej (antropologiiia akademicheskoi zhizni). Pamiati G.A. Komarovo* [Following the Blue Bird (Anthropology of Academic Life): In Memory of G.A. Komarova], edited by E.-B. Guchinova and V.A. Shnirelman, 98–119. Moscow: IEA RAN.
- Alymov, S.S. 2023. VII Mezhdunarodnyi kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk v Moskve (1964) i transformatsiia sovetskoi etnografii v epokhu ottepli [The VII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences and the Transformation of Soviet Ethnography during the Thaw]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 1: 96–127.
- Alymov, S., and S. Sokolovskiy. 2018. Russia, Anthropology in. In *The International Encyclopedia of Anthropology*. 12 vols., edited by H. Callan, 10: 5306–5322. New York: Wiley-Blackwell Publishing.
- Anderson, D.G., and D.V. Arzyutov. 2016. The Construction of Soviet Ethnography and “The Peoples of Siberia”. *History and Anthropology* 27 (2): 183–209.
- Bobrov, Y.G. 2017. *Filosofia sovremennoi konservatsii-restavratsii. Illiuzii ili real'nost'* [Philosophy of Modern Conservation-Restoration: Illusions or Reality]. Moscow: Khudozhestvennaia shkola.
- Chepelevetskaia, G.L. 1962. O nekotorykh novykh priemakh ekspozitsii proizvedenii prikladnogo iskusstva (iz opyta moskovskikh vystavok) [On Some New Techniques for Displaying Works of Applied Art (From the Experience of Moscow Exhibitions)]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 110–114.
- Collier, D., and H. Tschopik. 1954. The Role of Museums in American Anthropology. *American Anthropologist* 56: 768–779.
- Dubov, I.V., and I.I. Shangina, eds. 2002. *Materialy po etnografii* [Materials on Ethnography]. Vol. 1, *Etnografiia russkikh* [Ethnography of Russians]. St. Petersburg:

EGO.

- Gamburg, B.Z., A.S. Morozova, and E.N. Studenetskaia. 1971. Problemy sootnosheniia traditsionnoi kul'tury i sovremennosti v ekspozitsii Gosudarstvennogo muzeia etnografii narodov SSSR [Problems of the Relationship between Traditional Culture and Modernity in the Exhibition of the State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR]. In *Trudy VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk (Moskva, 3–10 avgusta 1964 g.)*. [Proceedings of the VII International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences (Moscow, August 3–10, 1964), 11: 561–565. Moscow: Nauka, 1971.
- Golubev, A.V. 2018. Zapadni nabliudatel' i zapadni vzgliad v affektivnom menedzhmente sovetskoii sub'ektivnosti [Western Observer and Western View in the Affective Management of Soviet Subjectivity]. In *Posle Stalina: pozdnesovetskaia sub'ektivnost' (1953–1985)* [After Stalin: Late Soviet Subjectivity (1953–1985): Collection of Papers], edited by A. Pinsky, 219–253. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Grusman, V.M., and V.A. Dmitriev. 2014. Iz istorii Rossiiskogo etnograficheskogo muzeia: k 80-letiiu obreteniia samostoiatel'nosti [From the History of the Russian Museum of Ethnography: On the 80th Anniversary of Independence]. *Muzei, traditsiia, etnichnost'* 1: 6–24.
- Ippolitova, A.B. 2001. Istoriia Muzeia narodov SSSR v Moskve [History of the Museum of the Peoples of the USSR in Moscow]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 144–160.
- Kriukova, T.A., and E.N. Studenetskaia. 1971. Gosudarstvennyi muzei etnografii narodov SSSR za piat' desiat let sovetskoii vlasti [The State Museum of Ethnography of USSR Peoples for 50 Years of Soviet Authority]. In *Ocherki istorii muzeinogo dela v SSSR* [Essays on History of Museum Work in USSR], edited by A.B. Zaks, 7: 9–120. Moscow: Sovetskaia Rossiia.
- Martynova, M.Y., ed. 2022. *Sovetskaia etnografiia v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki* [Soviet Ethnography in the History of State Building and National Politics]. Moscow: IEA RAN.
- Mikhaylovskaiia, A.I. 1971. Priemy ekspozitsii etnograficheskikh materialov [Techniques for Displaying Ethnographic Materials]. In *Trudy VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk (Moskva, 3–10 avgusta 1964 g.)* [Proceedings of the VII International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences (Moscow, August 3–10, 1964)], 11: 569–575. Moscow: Nauka.
- Parsons, L.A., and S.F. Borhegyi. 1962. The Milwaukee Public Museum: Display of Collections. *Museum International* 17 (1): 18–32.
- Petriashin, S. 2021. Obstanovochnye stseny v sovetskom etnograficheskom muzee 1930-kh godov: ideologiia, nauka i zrelishe [Life-Size Dioramas in the 1930s Soviet Ethnographic Museum: Ideology, Science and Spectacle]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 167 (1): 151–164.
- Petriashin, S.S. 2021. Rabochie v sovetskoii muzeinoi etnografii 1950-kh godov: klassovyi analiz i politika vremeni [Workers in Soviet Museum Ethnography in the 1950s: Class Analysis and Politics of Time]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 157–175.
- Rawski, K. 2017. A Soviet Think Tank: The Involvement of the Institute of Ethnography in Soviet Policy. *Region* 6 (1): 109–132.
- Sandomirskaiia, I. 2022. *Past discontinuous: fragmenty restavratsii* [Past Discontinuous: Fragments of Restoration]. Moscow: NLO.
- Shangina, I.I. 1991. Etnograficheskie muzei Moskvy i Leningrada na rubezhe 20–30-kh

- gg. XX v. [Ethnographic Museums of Moscow and Leningrad in Late 1920s – Early 1930s]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 71–81.
- Shelton, A.A. 2006. Museums and Anthropologies. In *A Companion to Museum Studies*, edited by S. Macdonald, 71–74. Oxford: Blackwell Pub.
- Shnirelman, V.A. 1993. Zlokliucheniia odnoi nauki: etnogeneticheskie issledovaniia i stalinskaia natsional'naia politika [The Misadventures of One Science: Ethnogenetic Research and Stalin's National Policy]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 52–68.
- Slezkin, Y. 2008. *Arkticheskie zerkala. Rossiia i malye narody Severa* [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow: NLO.
- Staniukovich, T.V. 1964. Muzei antropologii i etnografii za 250 let [Museum of Anthropology and Ethnography for 250 Years]. In *250 let Muzeia antropologii i etnografii im. Petra Velikogo. Sbornik Muzeia antropologii i etnografii* [250 Years of the Museum of Anthropology and Ethnography Named after Peter the Great: Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography] XXII: 5–150. Leningrad: Nauka.
- Tokarev, S.A. 1951. Osnovnye etapy razvitiia russkoi dorevoliutsionnoi i sovetskoj etnografii [The Main Stages in the Development of Russian Pre-Revolutionary and Soviet Ethnography]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 160–178.
- Tolstov, S.P. 1947. Sovetskaia shkola v etnografii [Soviet School in Ethnography]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 8–28.
- Zolotarevskaja, I.A. 1965. Rabota Instituta etnografii AN SSSR v 1964 godu [The Work of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences in 1964]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 155–162.